

КЛАВИШИ ПАДАМ

Рассказ

Знаешь, когда Падам получала письмо от троюродного брата из Бельгии, то она мило улыбаясь, пряча поспешно объемные пластмассовые красные бигуди под белым платком, выбегала босиком, попеременно приподнимая то одну ногу от холода на голубом кафеле, то вторую, кутаясь в незастегнутую синюю тужурку навстречу почтальону. А почтальон размашисто отбивался ногами, руками, портфелем, пытаясь всячески отогнать овчарку Падам, и чуть не сваливался в иссохший куст сирени, покрывшейся инеем.

— Рекс на добрых людей не лает, он только на злых людей лает, — расплывалась в улыбке Падам. Злые получались все, кроме нее.

Получив заветный конверт, она заваривала турецкий кофе и разливала в чашечку с размером в наперсток. Садилась на табуретку и изучала тщательно конверт, пытаясь подсветить дневным светом и прочесть письмо, не открывая. Ножиком аккуратно срезала верхний угол конверта, сжимала по бокам, что он округлялся, как рот. Словно она доктор и собиралась дать микстуру. Бережно доставала четырехстраничные листки, раскладывала по несколько раз и принималась трясти конверт, будто бы пыталась выбить из него что-нибудь еще. Снова оглядывала письмо изнутри. Но там ничего не было, кроме пустоты, привезенной из Бельгии. В отражении турки ее карие глаза изучали серое небо за окном, а нижнюю губу она недовольно поджимала в сторону, пытаясь изобразить трубочку. Раньше в первых двух письмах троюродный брат присылал деньги, но в последующих они отсутствовали. Она безразлично скомкала письмо, и бумага яростно зашуршала и заскулила, словно Рекс на гостей. В письме троюродный брат рассказывал, что семью хотят выселить из страны за неимением доказательств, которые помогли бы сдаться и получить гражданство. Он просил подговорить родственников написать письма для подтверждения о якобы существующей на него кровной мести, из-за которой он не может вернуться домой. Но Падам не могла знать обо всем этом, так как это письмо выбросила в мусорное ведро. И напевая под нос что-то вроде «тром-пом-пом-пом-пом, тром-пом-пом», прыгая на месте, движениями рук изображая колеса поезда, направилась в спальню, разбрасывая хаотично бигуди.

Падам работала библиотекарем в отделе детской литературы в Доме культуры, некогда разбомбленного в войну. Поклонница Че Гевары, полотен Фриды Кало, могла с легкостью отличить картины Мане от Моне, восхищалась боями Мухаммада Али, а вечера в однокомнатном коттедже, выделенном в советское время как лучшему молодому специалисту, наполняла шипящими, словно дождь, играющими пластинками

Ася Умарова родилась в 1985 году в Чеченской Республике. Публиковалась в журналах «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Юность», «Апра» (Тбилиси), «Русский клуб» (Тбилиси), «Процесс» (Прага), «Техтга» (Белоруссия), «Лебедь» (США), «Флорида» (США), «Русский глобус» (Чикаго), «Лексикон» (Чикаго), «Literarus» (Финляндия), «Tallinn» (Эстония), «Зарубежные задворки» (Германия), «Дарьял» (Владикавказ), «Нана» (Грозный), «Вайнах» (Грозный) и др. Стипендиат Министерства культуры РФ, участник Форума молодых писателей (2012, 2014, 2015, 2018) и Совещаний молодых писателей Северного Кавказа (2012, 2013, 2014).

американской музыкой шестидесятых на потрепанном временем проигрывателе. На любопытное окружающих «как дела?», отвечала по-чеховски: «Ангел мой, вашими молитвами». А иногда долго рассматривала муху на окне в кабинете библиотеки. Мы, зная ее, продолжали ждать, рассматривая разноцветные пластмассовые рыбки, висящие над ее столом, которые напоминали леденцы.

— Вы знаете, — говорила Падам, не отрывая взгляд от окна, — Вот я смотрю на эту муху и думаю: какая же ты все-таки, муха, счастливая. Муха, ты не должна думать о том, что нужно заплатить за газ, за свет, за воду, погасить кредит, и тебе наверняка Маржан с улицы Первомайская не должна семнадцать тысяч рублей вот уже три года. Муха, какая же ты все-таки счастливая, ты не должна беспокоиться о седеющих волосах на голове, на покраску которой уходит три тюбика краски из-за чрезмерной густоты моих волос... Наверное, поэтому меня мама прозвала Анжелой Дэвис. И тебе не платят семь тысяч рублей в месяц, на которые ты должна все это оплатить и еще прожить. Муха, ну какая же ты все-таки счастливая...

Раздавался шлепок мухобойки. Удар как мезть.

Но оказавшись на встрече с однокурсниками в Грозном за чашечкой чая, в подвальном кафе, где верхушки зданий растрепала война, она превращалась в пресыщенную богатством даму. Стоило кому-то из подруг похвастаться, что подарили золотой браслет, Падам тихо восклицала:

— Хм... всего лишь...

Хвастались кожаными сапогами за двадцать тысяч рублей. Все ахнули! А Падам изобразила трубочку губами и только вставила:

— Да?.. Всего лишь?

И даже когда однокурсница из Москвы тихо прошептала, что бывший муж перед разводом подарил двухэтажный дом. И все запищали от восторга. А Падам, откусывая жадно большой кусок наполеона, протянула:

— Ммм... и все? Всего лишь?!

У Падам было много подруг, но с каждой они расходились. Одной подруге Пэкэй не нравилось то, что Падам не вставляла фразы: «А потом я пошла молиться... и когда я собиралась молиться...» «Я верующий человек, а не религиозный», — утверждала Падам. Нет, она не говорила это все перед людьми, только когда одна в своей комнате перед искусственными разноцветными рыбками. И вообще, ей нравилось повторять слова Йосифа Бродского, что человек — это сумма поступков, а не то, во что он верит или уповает.

Падам часто устраивала пикники для детей у озера, осененными тремя старыми дубами и двумя ивами. Но брала не всех. Я учился тогда в третьем классе, и, собственно, после рассказов об этих турпоходах захотелось быть в этой тусовке Падам. Когда в очередной раз мои родители решили, что надо ворота сделать не с улицы, а со стороны огорода, и перекраивали сваркой забор, я решительно направился к Падам уговорить взять в поход, и так как нервничал, то употреблял беспорядочно слова.

— Оло-лооо! Оло-лооо! Не на поход, а «в» в поход... Не на выходные, а «в» выходные, — подправляла Падам сбившиеся каштановые локоны с лица, болтая ногами то вперед, то в сторону. Казалось, что она нервничает и хочет придумать причину, чтобы не брать, но наконец ее нашла: — Ты слишком мал!

— Я очень большой, Падам. Несколько раз мама оставляла до восьми вечера во дворе играть и даже доверила помогать с готовкой торта на день рождения дяди. Я за три месяца прочитал двенадцать книг и еще прочту...

— Нет, нет и еще раз нет, — крутила она в руках виниловую пластинку Элвиса Пресли «That's all right¹», — никогда не возьму. Ты чересчур маленький. И брать такую

¹ Все в порядке (англ.).

ответственность я не собираюсь. Оло-лоооо! Ты маленький. Нет, нет и еще раз нет. Милана принесет пирог, Зелим — рис и помидоры, Ризван... огурцы...

— А я принесу несущку! — перекричал я гавкающего на меня Рекса.

— Отлично! — захлопала в ладоши Падам. — Мы устроим шашлычный день. Супер! Су-у-упер!

И я, словно оказавшись героем книги «Алисы в стране чудес», благодаря нашей несущке по кличке Шарлотта неожиданно подрос и возвысился над Падам до нужных размеров. Так и надо этой Шарлотте, она пару раз клюнула в мою руку, когда приходил за яйцами. Но когда мы возвращались с барбекю по пыльной дороге, невероятно счастливые, где отовсюду пахло ромашками, издалека навстречу нам мчалась черная «Волга», на крыше которой были рулоны обоев, а из окон торчали деревянные плинтусы. Я так и знал, что и в это лето не обойдется без ремонта. Не успел дым пыли рассеяться, мы с детьми и Падам откашлялись, как переднее стекло опустилось, и мой папа:

— Падам! Как же ты нас всех достала с этими барбекю! Дурачишь детей. Дома не сидишь. Когда же ты успокоишься?!

Папа продолжал что-то выкрикивать, не выходя из «Волги», в то время как Падам, в огромных солнечных черных очках, как у черепашки Тортиллы на пол-лица, в черной обуви на высокой платформе, в белом широком платье с короткими рукавами, раздуваемом словно парус, придерживая магнитофончик, из которого доносилось тихое «Barbie Girl²» группы «Aqua», не сбавляла шаг и делала вид, что ничего не происходит. Она, как и в случае обнаружения конверта без денег, поджала нижнюю губу в сторону и изображала трубочку. Она даже не повернулась в его сторону, пока я и остальные дети, испуганные, с опущенными головами, шли за ней, поправляя на голове огромные кораблики, сделанные из газет «Ленинан некъ»³, которые достала Падам из чулана. В руках мы держали полевые букеты, которые она попросила отдать мамам, чтобы нас непременно отпустили в следующий раз. И мы поплыли дальше. Пока не встретили по дороге корреспондентов с телевидения. Они поинтересовались у Падам, не страдает ли она, что нет воды в селе. Не знаю почему, но вместо того, чтобы просто сказать, что воды нет, она воскликнула: «Бывает, летними знойными днями человек умрет, даже труп помыть нечем, потому что нет воды». Но эту фразу вырезали из эфира. И мы поплыли дальше в наших корабликах, а из крошечного магнитофона Падам до нас доносилось отрывисто только: «Цист, цист, цист...»

Под левой бровью у Падам глубокий шрам. Странно, но когда военные в войну проводили зачистки в ее доме, то им показалось, что она настоящая снайперша. Но Падам просто в детстве была очень впечатлительной. И кто-то из одноклассников сказал, что если взобраться на крышу, разогнаться и поднять руку вверх, то можно взлететь в небо. Но нужен специальный синий костюм с красными полосками. Падам сшила синий костюм с короткой юбкой, залезла на крышу благодаря высокой груше, которая росла у сарая. Зажмурила глаза, подняла кулак вверх и полетела, только не в небо, а свалилась в грудку арматуры и ненужного железного хлама, который сосед собирался сдать в металлолом и заработать много денег. Но вместо полета в небо волшебство приковало тогда ее к постели, и пришлось пару месяцев побыть на земле.

Падам часто играла в одну игру. Вернее, эта игра появилась во время войны. Когда сильно бомбили, то приходилось покидать дом и спускаться в соседний подвал. Падам представляла: а что если она последний раз видит дом целым и на него обрушится настоящая бомба? Хм... интересно, а что она хотела бы взять с собой, если бы можно было бы прихватить только один предмет, который она считает невероятно доро-

² Девочка Барби (англ.).

³ Путь Ленина (чеч.).

гим и ценным? Иногда она забирала паспорт, иногда проигрыватель, или пластинки американского джаза, разноцветных искусственных рыбок, или турку, кошелек... Однажды она спустилась в подвал с литровой законсервированной банкой, переполненной ее мечтами. Падам под Новый год написала на маленьких листочках сто желаний, скрутила каждую в трубочку и наполнила пустоту банки. Сначала все смеялись над Падам, но потом обзавидовались ее мечтам, словно их присутствие в банке гарантировало, что они непременно сбудутся. Странно... После войны она стала думать и переживать не о том, что дома может не стать, а о том, что она может перестать вообще существовать. Да, она исчезнет навсегда, а все это останется... То есть это будет игра наоборот. Это настолько ее впечатлило и растрогало, что она уселась на ступеньки и не пошла на работу. Рекс лаял на всех прохожих в тот день. А она тихо повторяла сквозь слезы:

— Рекс на добрых людей не лает, он только на злых людей лает.

Ее заржавевший и покосившийся низкий забор покачивался от ветра, а на нем надпись Падам, еще с войны: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Просто в то время многие писали на заборах: «Не стреляйте» или «Здесь живут мирные люди». И ей показалось, что это невероятно скучно и банально повторяться. Ну... нельзя быть повторюшкой-хрюшкой.

Когда к Падам приходили племянники, то я часто видел, как один бегал по крыше, другой взбирался на ее любимое абрикосовое дерево, а остальные носились с ее пластинками Элвиса во дворе, изображая гитары. И наконец звучал спасительный сигнал с оранжевой «пятерки», словно кто-то бросал оранжевый спасательный круг, ее брата Щавэда, и племянники, утомленные и пресыщенные свободой у Падам, уезжали домой.

— Как хорошо, что ушел этот шум, — со вздохом говорила Падам о племянниках, от всего сердца посылая воздушные поцелуи вслед исчезающей машине.

Когда Падам ушла на пенсию, то открыла аптеку в Грозном. Это была наспех сколоченная пластмассовыми белыми листами коробка, на деревянном приподнятом кирпичами полу. Аптека находилась рядом с кленом у Старого рынка, где мыли разноцветные ковры на асфальте. И когда поднимался сильный ветер, то ковры, как в сказке про Аладдина, вздымались вверх, аптека Падам тоже приподнималась и с грохотом сваливалась вниз в тот момент, когда она на стульчике пыталась красить губы в малиновый цвет. Так сносило аптеку много раз. Падам просверлила несколько отверстий у подножия пластмассовых стен и веревкой привязала к кирпичам. И теперь аптека приподнималась только на пять или десять сантиметров и падала вниз.

Брат Падам жил недалеко от их улицы. Она называла его Щавэд, так как имя Рашид ей казалось невероятно скучным. Каждый раз когда Щавэд приходил к ней, то в ответ на ее стенания о домашних проблемах, долгах и о том, как тяжело справляться одной, Щавэд, внимательно дослушав, мерил под виноградным навесом асфальт шагами:

— А... ну... раз, два, три, — маршировал Щавэд в сторону Падам. Просил ее отойти назад. — А теперь... Раз, два, три.

Когда-то Падам заикнулась, что хотела бы построить летнюю кухню, и тогда Щавэд отмерил иллюзорно эти метры. На этом вся бойкость и напор помощи закончились. И с тех пор, когда она говорила об увольнении с работы или отсутствии лицензии на открытие аптеки, он мерил пространство:

— А ну... раз, два, три! Отойди! Раз, два, три...

Падам еще любила выносить пять деревянных вешалок, на которых висели платья ее мамы и четырех сестер, без вести пропавших в войну. Она цепляла на ветки вешалки с платьями на абрикосовое дерево, включала пять фонариков под платьями, так, что платья светились. Наверное, Падам это давало ощущения теплоты и присутствия

этих людей. Она наливала чай с чабрецом и разговаривала про себя с этими платьями, как будто они были живы. А потом складывала их бережно в сундук. Она стирала их и гладила. Как будто бы их кто-то носил.

А потом Падам неожиданно куда-то исчезла, а в доме поселились какие-то новые люди, которые приехали из города Шали. Они разровняли экскаватором дом, виноградный навес, будку, в которой когда-то была аптека, и даже снесли ворота с надписью: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Кто-то сказал, что она уехала к троюродному брату в Бельгию. Папа рассказывал, что Падам на танке во время войны махала удивленным прохожим, все считали, что она с федералами заодно и ей уже не стоит доверять. Но я думаю, что она переживала за всех и пыталась спасти молодых парней. Папа еще вспоминал, как она в анкете на вопрос «Блондин или брюнет?» отвечала: «Да, хоть лысый, лишь бы был».

— Просто она вцепилась в эту карьеру, — говорил папа, когда Падам шла с работы, счастливая, придерживая пластинки с американским джазом шестидесятых, ее белое платье раздувалось, словно парус, обувь на высокой сплошной платформе, а на встречу бежал ее Рекс и лалял на всех прохожих.

— Рекс на добрых людей не лает, он только на злых людей лает.

Падам в Доме культуры завешивала окна географическими картами для детских дискотек, чтобы мы чувствовали себя комфортно и не комплексовали. В последний раз я видел ее на остановке. Она рассказывала, что по Интернету хотела заказать футболку с надписью «Kiss me»⁴ в Чечню. На что оператор ответил: «К сожалению, только на территории России». А она написала: «А Чечня разве не Россия?» Но оператор ничего не ответил.

До библиотеки Падам работала на ферме и вышла замуж за мужчину, которого звали Япон. Фраза на чеченском языке: «Японе яхна» звучит как «вышла замуж за Япона» и как «поехала в Японию». Тогда было модно называть детей Германями и Японами. Молва о замужестве стремительно prošлась по ферме. Разъяренные доярки тогда поехали разбираться к самому директору совхоза: как это так?! Они по десять и по пятнадцать лет работают на ферме, а Падам только недавно устроилась на работу, и ее отправляют в командировку в Японию. За какие заслуги? За какой многолетний труд? Директор быстро смекнул, в чем дело:

— Что вы все от меня то хотите?! Так поезжайте в село, там на улице Шекспира живет этот самый Япон. Может, и он вас возьмет в жены.

Про этого Япона можно было бы сказать, что он был величествен в своем молчании. Иногда, и даже очень редко, из его уст слетало: «Я этот... этот я». Но никогда так и не завершал фразу. «А какая у него была успеваемость в школе?» — поинтересовалась мама Падам, учительница по профессии, узнав, что родственники собираются просить руки дочери. Она смотрела только на успеваемость потенциальных женихов Падам.

Не знаю почему, но с тех пор, как она переступила порог дома Япона, что-то невообразимое начало твориться в их доме. То телята сдохли, то овцы, то обрушился потолок на кухне, шифер протекал, потолок оказался саманным, и поэтому он свалился на них, когда пили чай с абрикосовым вареньем. Еще трактор их соседа случайно наехал на любимую клумбу матери Япона по имени Саждат и уничтожил все розы. Саждат она называла тайно Ключницей. Из-за того, что все ключи от двух домов во дворе, сараев, кухни находились у нее. Когда она шла, то легко можно было узнать по своеобразному звуку звенящих ключей. С мужем Ключница не разговаривала уже двадцать лет, хотя они жили вместе. Говорят, что она чем-то расстроила мужа, и поэтому он не может до сих пор простить ее.

⁴ Поцелуй меня (англ.).

Япона уволили с работы, и его никуда не брали. Их семья попадала то в больницу, то в аварию, то мучили головные боли, то высыпания на коже, то перегорали лампочки в комнатах. Но ответ пришел всему происходящему не сразу. Падам не ожидала, что ответ внезапно наступит. Она бежала весело домой с работы, не замечая, что происходит вокруг. Оказывается, несколько пожарных машин оцепили улицу. Люди с ведрами пытались потушить пожар в хлеву. Хорошо, что овцы и коровы с утра паслись на поле и совершенно не подозревали, что происходит дома. А пожилые женщины сочувствовали Ключнице. Ее тучная фигура стояла, как скала. Могучие руки она скрестила в ладонях за спиной. А муж ее сидел тихо, опустив голову рядом на деревянной скамейке, иногда поглядывая на происходящее. Она долго смотрела и не отвечала никому ни на сочувствия, ни на что и поджимала губы. И наконец из ее глаз покатились слезы:

— Как только эта невестка Падам переступила порог нашего дома, так весь достаток и покинул нас! — заявила она утвердительно, посмотрев на Падам, которая только начинала вникать в происходящее и активно облизывала вафельный рожок с мороженым.

Падам спокойно доела мороженое и бросилась в дом за мукой. Именно тогда Ключница внимательно взглянула на нее и, забыв о пожаре и о спасателях, бесцеремонно закричала:

— Куда это ты?!

— Чепалгаш⁵ испеку. Вон у нас сколько людей помогают. Нужно напоить их чаем.

Кажется, Ключница обезумела в этот момент. Она еле передвигалась. Полные ноги не давали быструю быстроту. Отец Япона отвлекся от пожара и, как все, посмотрел на них. Ключница шла на Падам, как танк. Приблизившись, внимательно оглядела ее с ног до головы и с силой дернула тазик с мукой, что дым муки поднялся вверх и Падам закашляла.

— А ну отдавай мою муку! Не хватало, чтобы ты еще муку испортила! Ты, что ли, умеешь делать чепалгаш?!

И потащила с тазиком на кухню через лужи, в которых плавал пепел. Попеременно она кашляла, что мука перед ней образовывала клубы облака.

Да Падам сама собиралась уйти от этого Япона. Он уехал в Гагру, и все время разрисовывал там стены. Когда ему не позвонишь, то замок расписывает в спальне, то цветы на кухне, то Белоснежку и семь гномов в детском садике. И когда Ключница шла с мукой в сторону кухни, кто-то спросил, где же Япон и почему его не видно. Она повысила голос в ответ:

— Он звезды... звезды сейчас рисует в Гагре!

И пошла дальше. А Падам ринулась собирать вещи. Ведь не случается вот так, что неожиданно человек осознает, что все закончилось. Все начинается постепенно. И потом как прорываются восклицательные знаки, после бесконечных многоточий и запятых. И погрузив чемоданы с вещами в оранжевую «пятерку» Щавэда, Падам развернулась и ринулась в кухню Ключницы, откуда забрала четыре рожка с фисташковым мороженым, которые она собиралась съесть вечером за просмотром индийского фильма «Жажда мести». А через два дня Падам вернулась снова к Ключнице и долго ходила по огороду, не могла найти три полотенца, которые повесила пару дней назад на бельевую веревку. Оказывается, когда поднялся сильный ветер, то полотенца совершили небольшое путешествие до соседних теплиц.

А еще под абрикосовым деревом, где висели подсвеченные пять платьев, стояло пианино без клавиш. Когда разворовывали Дом культуры в войну, она притащила это пианино, погрузив его с Щавэдом на оранжевую «пятерку». Брат не мог понять, за-

⁵ Тонкие лепешки с творожной начинкой (чеч.).

чем ей пианино без клавиш. С пианино сняли все клавиши и украли. Но Падам объясняла, что ей жалко инструмент, так как он остался без главного и теперь точно никому не был нужен. И это очень несправедливо.

Единственный человек, с кем она продолжала переписываться и сохранять общение, кроме троюродного брата из Бельгии, это был киргизский друг из Бишкека, бывший одноклассник. В школе они основали рок-группу и играли для друзей, мечтали покорить мир. Падам музицировала на пианино, а он ритмичным постукиванием поддерживал фон на двух металлических ведрах. Их группа называлась «Клавиши Падам». «Все это... весьма бессмысленно», — говорил их директор школы.

«Ничего, скоро мы выстрелим!» — писал киргизский друг многозначительно в письмах, адресованных шестидесятитрехлетней Падам, усиливая сказанное восклицательными знаками. Имея в виду прорыв в карьере, в будущем знаменитой группы. Падам действительно выстрелила отцовской охотничьей винтовкой поверх головы брата, когда снова пришла его жена жаловаться, что Шавэз пьет. С тех пор он больше не выпил ни одной капли.

Последний раз Падам приходила к нам в четверг с пиалой, наполненной конфетами. У нас принято по четвергам раздавать что хочешь из еды в трех семьях. Падам долго о чем-то говорила, вспоминая детские дискотеки и посиделки в библиотеке, вдруг как-то замялась и произнесла, улыбаясь:

— Говорят, в аду будет очень жарко. Интересно, как это я туда... со своим высоким давлением?

Мы не знали, что ответить.

Когда Падам с кем-то ругалась, а это бывало очень часто, она доставала старые альбомы с фотографиями и аккуратно монетой стирала лица тех, с кем ей уже не хотелось общаться или пересекаться по жизни. А их становилось все больше и больше. Уже все фотографии были с фигурами без лиц. И то место, где раньше были головы, напоминали облака из шерсти. Когда она стирала ненужного человека из жизни, то, довольная, заваривала турецкий кофе и блаженно пила под абрикосовым деревом, на котором висели пять вешалок с платьями сестер и мамы. А рядом стояло пианино без клавиш.

Когда новые хозяева рубили абрикосовое дерево, то мне казалось, что вместе с ветками дрожат все эти платья. Но их не было. Одна из незнакомых женщин, которая сжигала будку Рекса, в какой-то момент напомнила Падам из-за широкого белого платья. Она надевала летом только белые широкие платья с короткими рукавами. А на голове, я часто замечал, когда она подметала во дворе, огромный кораблик на голове, сделанный из газеты «Ленинск-некь». И так как ее забор был невысокий, то кораблик из газеты проплывал то в одну сторону, то в другую. И красовалась большая надпись на заборе: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Говорят, что Падам уехала в Бельгию к троюродному брату с надеждой найти продюсера, чтобы возродить рок-группу «Клавиши Падам». Но при входе в аэропорт охранники спросили, что в бумажном стаканчике, а там был не что иное, как кофе. Она пошутила: «Бомба!» И громко засмеялась. Ее задержали, потом отпустили, но самолет вылетел без нее. Пришлось выбрать другой рейс, только на следующий день.

Просто... Просто... Я хотел сказать, что во втором классе всех заставили написать письмо Деду Морозу и попросить все, чего хотим. А так как я не любил читать книги, а родители заставляли, то попросил Деда Мороза, чтобы в Дом культуры свалилась настоящая бомба и взорвала его, чтобы не приходиться туда больше за книгами. И под Новый год в Дом культуры действительно упала настоящая бомба и все там разнесла. Я все время намеревался рассказать об этом Падам, так как чувствовал вину, но так и не решился. Но клавиши точно не я украл.